

УДК 316.4

DOI: 10.18101/1994-0866-2018-3-3-25-31

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» И «СОГЛАСИЕ»

© *Чимитова Ирина Зоригтоевна*

кандидат социологических наук, старший преподаватель,
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова
Россия, 670024, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8
E-mail: rindaol@mail.ru

В статье раскрывается содержание понятия «толерантность» и «согласие», обосновывается выделение основных форм толерантности и дается их краткий анализ, а также характеризуется понятие «терпимость». Рассматривается соотношение понятий «толерантность» и «согласие». Отмечается более активное изучение специалистами толерантности по сравнению с согласием. В статье рассмотрены некоторые различия между толерантностью и согласием, делается вывод о том, что понятия «толерантность» и «согласие» обозначают тесно связанные и частично пересекающиеся между собой явления, каждое из которых имеет определенный смысл и содержание. Их применение позволяет исследовать многие аспекты и оттенки взаимодействия субъектов в современном мире, где актуальны и идеи параллельного ненасильственного сосуществования, разной степени взаимного интереса, уважения и понимания, и идеи общности базовых ценностей, доверия и равноправия.

Ключевые слова: толерантность; форма толерантности; терпимость; согласие; интерес; уважение; понимание; доверие.

Современное общество характеризуется возрастанием взаимодействий между социальными субъектами разного уровня, в том числе интенсификацией социальной мобильности и миграционных процессов, что обуславливает актуальность проблем толерантности и согласия. Чаще всего сущность толерантности определяется как способность субъекта позитивно или нейтрально реагировать на непохожесть, различия, принимать, признавать другого, сохраняя собственную идентичность.

В одной из публикаций на основе групп различий, предложенных П. Гречко (простые различия повседневного существования, улаживающиеся великодушием, предупредительностью, тактичностью, вежливостью; существенные различия, «на которые человек способен влиять, которые он может изменять и выбирать (убеждения, мысли, действия)», и еще более глубокие существенные различия, сопровождающиеся напряженностью, по отношению к которым требуется проявлять терпимость) [1, с.175–176], и очерченных этим автором границ толерантности все то, что находится в ее пределах, мы предложили называть толерантностью в широком смысле.

Первую группу различий можно назвать толерантностью, не требующей усилий, вторую — толерантностью как таковой или толерантностью в узком смысле, третью вслед за П. Гречко — терпимостью.

Собственно толерантность представляет собой довольно большой разброс вариантов отношения к различиям, том числе их довольно формальное принятие, а также толерантность, предполагающую уважение, интерес, оценку, понимание и взаимопонимание. Последний вариант находится на самой верхней границе толерантности в широком смысле, соприкасаясь с более глубокими и содержательными явлениями, и представляет собой максимальное выражение позитивного отношения.

Говоря о взаимодействии субъектов толерантности, многие авторы подчеркивают необходимость прилагать усилия по преодолению негативной реакции на различия. По мнению К. З. Акопяна, «терпеть можно только то, что не нравится, поэтому толерантность в любом случае предполагает большее или меньшее самопринуждение, подавление внутреннего неприятия, а может и протеста и т. п.» [2, с.173–174]. Этот исследователь определяет толерантность как «способность с помощью ставшего для данного индивида привычным и органичным (а потому в идеальном случае — спонтанным, неосознаваемым) волевого усилия воспринимать, не проявляя раздражения и враждебности, отличные от собственных взгляды, чувствования, мысли, поступки при условии отсутствия в них угроз благополучию других людей и окружающей среды» [2, с.186].

Вышеприведенная дефиниция является определением одной из форм толерантности в широком смысле — терпимости. Терпимость располагается ближе всего к ее нижней границе толерантности в широком смысле, поскольку связана с максимальными по сравнению с другими ее формам волевыми усилиями по преодолению неприятия существенных различий в позициях участников коммуникации.

Полагаем, что толерантность (здесь и далее имеется в виду широкий смысл данного понятия) проявляется в способности субъекта принимать различия, соблюдая общепринятые нормы внешней культуры поведения и сохраняя собственную идентичность. При этом принятие различий представляет собой довольно широкий спектр цивилизованных отношений участников коммуникации и ненасильственных способов их урегулирования.

Что касается согласия, то оно чаще всего рассматривается в сочетании с толерантностью как взаимная основа друг друга; толерантность также трактуется как культура согласия. Так, содержание понятия «толерантность» в одной из довольно давних работ Л. М. Дробижевой раскрывалось как «готовность принять других такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия» [3, с. 63]. По мнению Е. П. Касьяновой, согласие есть основа повышения интеграции, снижения напряженности и то, что способствует реализации принципа толерантности [4, с. 13–14].

Такие утверждения должны базироваться на обстоятельном анализе обоих явлений, в том числе на уточнении содержания обозначающих их понятий, однако заслуга упомянутых авторов состоит в том, что они привлекли внимание к проблеме согласия. В работах ряда специалистов (Т. Ньюком, В. Д. Михайлов, М. М. Охотникова, Л. М. Дробижева и др.) согласие является предметом более детального анализа.

Однако в отличие от толерантности, которая интенсивно изучалась, особенно в последние десятилетия, согласие относительно недавно стало предметом активного исследования. Остановимся на некоторых попытках анализа понятия «согласие». Прежде всего согласие определяется как атрибут серьезных отношений сторон, насущная необходимость, внутренняя установка. Такое понимание развивается, в частности А. С. Панариным и В. И. Самохваловой. «Согласие представляет собою не внешнюю позицию, а внутреннюю установку на готовность принять другого, признать наличие у него собственных интересов, способность открыться для диалога, который представляется насущно необходимым», — утверждает В. И. Самохвалова [5, с. 31–32]. Эта позиция нуждается в уточнении. В самом деле в ситуации согласия недостаточно лишь внешнего, формального принятия различий. Но и в таких формах толерантности в узком смысле, которые предполагают уважение, оценку, интерес, понимание, также имеют место серьезные отношения, основанные на внутренней установке, и признание наличия у оппонента собственных интересов. Толерантность может быть не требующей усилий, раздумий, но таким же может быть и согласие, например, если оно стало стереотипом, привычной формой взаимодействия.

Таким образом, согласие и некоторые формы толерантности отчасти совпадают. По мнению Л. М. Дробижевой, согласие предполагает общность представлений и основных целей участников коммуникации. Оно есть готовность не только принять других и взаимодействовать с ними, но и «некий объем общих, сходных представлений, основных целей в поле действий» [6, с. 93]. Автор прав, говоря, что отношения согласия предполагают общность, сходство представлений у участников взаимодействия. Таких представлений в ситуации толерантности может не быть или их объем может быть мал. Верно и указание на общие основные цели в поле действий. Их наличие является атрибутом именно согласия, в то время как толерантность не имеет общих основных целей субъектов, связанных с действием, или имеет общей целью сохранение мира, статус-кво или признание различий в лучшем случае с уважением, пониманием, готовностью к взаимодействию.

В более поздней публикации Л. М. Дробижева существенно дополняет понятие согласия. Рассмотрим его, абстрагируясь в данном случае от того факта, что речь в статье идет о «межнациональном/межэтническом согласии». Автор отмечает, что согласие «включает в себя не только благоприятные межнациональные установки, готовность иметь дело с людьми иных национальностей в профессиональной и неформальной сферах общения, но также и ценность диалогового урегулирования противоречивых ситуаций, межличностное и межгрупповое доверие, согласованные ценностные ориентации, общее видение образа мира. Все это проявляется в способности людей жить в сложном, многообразном мире, взаимодействовать друг с другом на принципах доверия, равенства и справедливости» [7, с. 81].

Нельзя не согласиться с цитированным автором в том, что благоприятный характер установок является атрибутом отношений согласия. Как отмечалось нами выше, он присущ не всем формам толерантности. Л. М. Дроби-

жева права и в том, что в отношениях согласия наличествует готовность иметь дело с другими в разных сферах общения. Это не характерно для всех форм толерантности: например, в ситуации терпимости наблюдается преодоление неприятия различий.

Что касается диалога, то он свойственен тем формам толерантности, для которых характерно уважение и понимание оппонента и которые располагаются на самой верхней границе толерантности и соприкасаются уже с согласием. Л. М. Дробижева обоснованно отмечает согласованные ценностные ориентации, общее видение образа мира, присущие согласию. Все это, как правило, является результатом более или менее длительного взаимодействия.

Формы толерантности, сопровождающиеся заинтересованностью, служат одними из предпосылок формирования согласия. Р. Р. Валитова, определяя толерантность как «заинтересованное отношение к Другому, желание почувствовать его мироощущение, которое побуждает к работе разум» [8, с. 34], фактически говорит о предпосылках формирования согласованных ценностных ориентаций и общего видения образа мира. Следует признать правоту Л. М. Дробижевой и в том, что атрибутами согласия являются доверие и справедливость или, по крайней мере, стремление к ней.

Обратимся к принципу равенства, упомянутому этим автором в ряду вышеприведенных понятий. По-видимому, он не столь очевиден в качестве атрибута согласия как доверие и справедливость. В. И. Самохвалова также отмечает равенство как атрибут согласия: «Подлинная толерантность подразумевает равенство (но не одинаковость) “веса” сторон... И тогда она называется “согласие”» [9, с. 51].

Не подвергая сомнению сам этот принцип, полагаем, что понятие «равенство» не охватывает все ситуации согласия, поскольку субъекты могут быть не равными по многим параметрам, поэтому целесообразно использовать и понятие равноправия, а также уточнять, какой аспект равенства имеется в виду. Например, Н. И. Киященко, характеризуя толерантность в отношениях между культурами, отмечает ее нацеленность на установление «равного для всех взаимопонимания и взаимоуважения» [10, с. 30]. Подобные уточнения помогли бы более полно проанализировать согласие.

Отмечая маркеры согласия, Л. М. Дробижева справедливо указывает на общую гражданскую идентичность субъектов взаимодействия, сходство разделяемых большинством представлений об общих целях, длительность контактов, их позитивную поддержку со стороны институтов власти и общественности [11, с. 31–32].

Существуют некоторые другие различия между толерантностью и согласием, которые в рамках настоящей статьи можно лишь вкратце перечислить.

Во-первых, в интерпретации толерантности доминирует идея некой отдаленной и высшей цели, ради которой и ее требуется проявлять. «Проявляем мы толерантность всегда ради чего-либо другого...», — пишет Д. В. Колесов [12, с.17]. Согласие же выступает как самоценность, атрибут сложившихся между субъектами отношений доверия, равноправия, схождения основных целей и ценностей и т. д.

Во-вторых, согласие добровольно, оно есть достигнутый результат успешного взаимодействия, согласования базовых целей и ценностей, сложившегося сходства образа мира, характеризуется доверием, равноправием и т. д.

Что касается толерантности, то некоторые ее формы, как отмечалось выше, сопровождаются усилием, направленным на преодоления неприятия, в них есть момент вынужденности. Так, например, Д. В. Колесов отмечает наличие в толерантности момента отчужденности, вынужденности [12, с. 17]. В. И. Самохвалова, предлагая различать толерантность сильного и слабого, пишет, что терпимым приходится быть последнему, и «он терпит часто вынужденно» [9, с. 51]. Действительно, в зависимости от «веса» сторон формы толерантности могут быть различными. Кому-то из двух субъектов приходится терпеть в большей степени, чем другому.

Характеризуя одну из форм толерантности, С. Н. Кондрович считает, что она позволяет «с терпением относиться к чужим убеждениям, уважать их, считаться с ними независимо от того, согласны ли вы с ними или нет» [13, с. 35]. Весьма вероятно, что при несогласии едва ли можно говорить о добровольности.

Как видим, добровольность присуща не всем формам толерантности.

Можно предположить, что в отличие от толерантности «вес» сторон не столь значим в ситуации согласия, принципом которой является равноправие и в которой доминируют взаимное уважение и предупредительность.

В-третьих, ряд авторов отмечают свойственные толерантности безразличие, безучастное равнодушие и т. п. (В. А. Лекторский, С. Жижек, В. И. Самохвалова и др.). В. И. Самохвалова пишет, что «в позиции толерантности сигнал одной из сторон может быть просто поглощен другой, оставаясь неотреагированным по сути. Создается впечатление своеобразной “черной дыры” эмотивно-смысловой информации, когда ответ не предполагается. Это безучастное равнодушие. Радикальной формой толерантности выступает безразличие, особенно там, где позиции трудно совместимы...» [9, с. 49–50]. Подобного рода отношения субъектов не характерны для согласия.

Необходимо подчеркнуть важность понятия согласия, особенно в качестве программной цели государственной политики. Оно реально существует и требует глубокого изучения. Вместе с тем понятие толерантности также имеет право на существование. Оно достаточно универсально и описывает довольно широкую палитру взаимных коммуникаций. Отмеченные выше основные формы толерантности в целом охватывают типичные ситуации взаимодействия субъектов.

Таким образом, понятия «толерантность» и «согласие» обозначают тесно связанные и частично пересекающиеся между собой явления, каждое из которых имеет тем не менее определенный смысл и содержание. Их применение позволяет исследовать многие аспекты и оттенки взаимодействия субъектов в современном мире, где актуальны и идеи параллельного ненасильственного сосуществования и разной степени взаимного интереса, уважения и понимания, и идеи общности базовых ценностей, доверия и равноправия.

Литература

1. Гречко П. О границах толерантности // Свободная мысль XXI. 2005. № 10. С. 173–182.
3. Акопян К. З. Толерантность как социокультурный феномен // Толерантность в культуре и процесс глобализации / Учреждение Российской академии наук Институт философии РАН, Академия гуманитарных исследований. М.: Гуманитарий, 2010. С. 106–186.
4. Дробижина Л. М. Толерантность и рост этнического самосознания: пределы совместимости // Толерантность, взаимопонимание и согласие: материалы междунар. конф. (Якутск, июнь 1995 г.) / отв. ред. В. А. Тишков. М.: Изд-во Ин-та этнографии и антропологии РАН, 1997. С. 61–68.
5. Касьянова Е. И. Социально-философские основания толерантности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Улан-Удэ, 2009. 46 с.
6. Самохвалова В. И. Идентичность, норма и пределы толерантности // Философские науки. 2008. № 4. С. 26–45.
7. Дробижина Л. М. Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе // Мир России. 2012. № 4. С. 91–110.
8. Дробижина Л. М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социс. 2015. № 11. С. 80–90.
9. Валитова Р. Р. Толерантность: порок или добродетель? // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1996. № 1. С. 33–37.
10. Самохвалова В. И. Понятие толерантности и его содержание в современном культурном контексте // Толерантность в культуре и процесс глобализации / Учреждение Российской академии наук Институт философии РАН, Академия гуманитарных исследований. М.: Гуманитарий, 2010. С. 32–53.
11. Киященко Н. И. Толерантность как универсалия культуры // Толерантность в культуре и процесс глобализации / Учреждение Российской академии наук Институт философии РАН, Академия гуманитарных исследований. М.: Гуманитарий, 2010. С. 12–31.
12. Дробижина Л. М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социс. 2017. № 1. С. 26–36.
13. Колесов Д. В. Антиномии природы человека и психология различия (к проблеме идентификации и идентичности, идентичности и толерантности) // Мир психологии. 2004. № 3 (39). С. 9–19.
14. Кондорович С. Н. Философия толерантности в диалоге евразийских культур // Вестник Библиотечной ассамблеи Евразии. 2005. № 2. С. 34–37.

ABOUT THE RELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF TOLERANCE
AND CONSENT

Irina Z. Chimitova

Cand. Sci. (Sociology), Senior Lecturer,
Filippov Buryat State Agricultural Academy
8 Pushkina St., Ulan-Ude 670024, Russia
E-mail: rindaol@mail.ru

The article defines the concepts of tolerance and consent, gives a brief analysis of the main forms of tolerance. We consider the relation between the concepts of tolerance and consent. It has been noted that specialists study the concept of tolerance more actively than the concept of consent. As a rule, the last is investigated in conjunction with tolerance. We analyze differences between tolerance and consent and consider a variety of definitions of the last. It is concluded that the concepts of tolerance and consent denote closely related and partially intersecting phenomena, each of which has a certain meaning and content. Their application allows scientists to research many aspects of interaction between actors in the modern world, where the ideas of parallel non-violent coexistence, different degrees of mutual interest, respect and understanding, and common values, trust and equality are relevant.

Keywords: tolerance; forms of tolerance; consent; interest; respect; understanding; trust.